

УДК 93;94(57)

М.Ф. Ершов

Тексты писателей-реалистов как историко-этнографические источники провинциальной жизни второй половины XIX – начала XX вв.

Аннотация. В статье рассмотрен ряд литературных произведений, в которых отображена жизнь Урала и прилегающих к нему территорий. На основе анализа литературных текстов сделан вывод об исторической ценности, присутствующей в них информации. Возможное выборочное использование художественных произведений писателей-реалистов как историко-этнографических источников способно расширить наши представления о прошлом провинциальной России второй половины XIX – начала XX вв., уточнить, детализировать или по-новому интерпретировать события локальной истории.

Ключевые слова: исторический источник, писатель, провинция, произведение, реализм, текст, Ф.М. Решетников, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Д.Н. Телешов, С.И. Карцевский.

M.F. Ershov

Texts of realist writers as historical and ethnographic sources of provincial life of the second half of XIX – beginning of the XX centuries

Summary. The article considers a number of literary works, which displays the life of the Urals and adjacent territories. Based on the analysis of literary texts the conclusion is made about the historical value of information presented there. Possible selective use of works of realist writers as historical and ethnographic sources can expand our understanding of the past of provincial Russia of the second half of XIX – beginning of the XX centuries, refine or re-interpret the events of local history.

Keywords: historical source, writer, province, work, realism, text, F.M. Reshetnikov, D.N. Mamin-Sibiriyak, D.N. Teleshov, S.I. Karczewski.

На сегодняшний день осознание специфики социокультурных процессов, происходивших в российской глубинке еще достаточно схематично. Так в исторических дисциплинах плохо обоснованы наши знания об особенностях менталитета отечественного «безмолвствующего большинства». Для исследований в основном характерны иллюстративные описания, без детального анализа скрытых причин и учета региональной конкретики. Пока мы лишь приблизительно представляем настроения того времени, особенно среди социальных низов. Существенную роль здесь играет такое обстоятельство как узость источниковой базы.

Чем оно порождено? В первую очередь закрытостью общества. У провинциалов присутствовали и недоверие к властям, и игнорирование законов, и желание сохра-

нить в неприкосновенности привычные семейные, корпоративные и деловые устои. Все это вело к изоляции от государственных структур и от представителей господствующей культуры. Открытости препятствовал и невысокий образовательный уровень большинства жителей периферии того времени. Он максимально затруднял создание исторических источников, в которых раскрывались бы социально-психологические характеристики конкретных представителей локального социума.

Неспособность к внятному выражению собственных мыслей и отсутствие рациональной рефлексии были в основном присущи для людей, живших в условиях, близких к патриархальной культуре. Ее изживание во второй половине XIX века вызвало ожесточенный конфликт с новыми слоями бурно формирующегося индуст-

стриального общества. Развитие индивидуальных начал, реализация принципов правового равенства, проявлялось через отрицание прежних социальных норм. Подобное отрицание в провинции исходило, в первую очередь, от людей, отчужденных от обыденного существования. Они, будучи культурными маргиналами, открывали латентный для европейски образованного человека мир провинциальной действительности и стремились преобразовать его своими действиями и творческими усилиями. К таким людям относились представители «приличной публики» и тяготеющие к ним слои: краеведы, образованные путешественники и, конечно же, писатели. Творения литераторов представляют особый интерес, особую ценность и особую сложность для изучения истории российской провинции и общественной психологии ее населения.

Мы можем назвать ряд литераторов, хорошо знающих провинциальную жизнь Урала и Зауралья. Среди них выделяются имена Ф.М. Решетникова (1841–1871 гг.), Д.Н. Мамина-Сибиряка (1852–1912 гг.), Д.Н. Телешова (1867–1957 гг.). В меньшей мере известно литературное творчество С.И. Карцевского (1884–1955 гг.). Мы считаем, что, при определенных условиях, та информация, которая содержится в текстах вышеупомянутых писателей, может быть использована в историко-этнографических исследованиях. Соответственно, цель настоящей публикации заключается в выборочном предварительном анализе некоторых их произведений, рассматриваемых в качестве историко-этнографических источников.

Дело в том, что сведения, приводимые этими писателями, зачастую уникальны. Их литературные тексты, вне сомнения, непохожи между собой. Здесь сказывались различия в личном опыте и круге знакомств. Писатели исследовали неодинаковые социальные группы. У Ф.М. Решетникова наиболее ценны характеристики людей «из народа». Д.Н. Мамин-Сибиряк дополнительно анализировал причины тех или иных поступков лиц из сферы предпринимательства. Д.Н. Телешов, будучи коренным москвичом, смотрел на местности, расположенные за Уралом, глазами

дорожного путешественника. Уроженец Зауралья С.О. Карцевский, напротив, был максимально включен в местную жизнь.

Значимыми оказались и временные различия в писательском творчестве – в эпоху ускоренной модернизации даже промежуток в одно десятилетие существенно менял провинциальное общество. Естественно, что у наших авторов присутствовали не только различия, в том числе географические, но и немало точек соприкосновения. Все они, будучи демократически настроенными выходцами из народа, отображали художественными средствами, то, что им было хорошо известно. Взгляд очевидца позволял им с большой долей точности в своих литературных текстах запечатлеть ускользающие социальные реалии.

В первую очередь к таким текстам относятся дорожные очерки, в которых много повидавшие писатели со знанием дела показали культуру передвижения и повседневный быт путешествующих. В частности, детальное описание сибирской телеги оставил Д.Н. Мамин-Сибиряк. «Нужно сказать, сибирская ямщичья телега в своем роде идеальное сооружение, начиная с того, что за исключением железной оковки колес и железного крюка, она вся деревянная до последнего гвоздя. Затем она вся сложена неизвестным механиком необыкновенно остроумно, до того включительно, что её можно починить и поправить где угодно. В ней рассчитан каждый гвоздь, каждый вершок, каждый оборот колеса и только на ней можно было мотать путины по сибирским трактам тысячами вёрст. Она необыкновенно легка на ходу, потому что передние колеса, несмотря на свою величину, свободно подворачиваются под кузов, и, наконец, кузов поставлен так, что возовая тяжесть распределяется наивыгоднейшим для лошади образом. Воз не мотается на ходу, легко добывается из забор (глубоких рытвин – Е.М.), и в такой телеге везде можно проехать. Российская телега ничего общего с сибирской не имеет, - длинна, выскока, неповоротлива, вообще тяжела» [1, 390]. Близкая характеристика сибирской телеги присутствует в еще одном произведении писателя – очерке «На большой дороге» (1895 г.) [2, 322-323].

В рассказе «На тройках» (1892 г.) Н.Д.

Телешова дано описание зимней купеческой повозки, похожей на «бабушкин чепчик»: «Много было прикушено языков, много было посажено синяков на лбы и шишек на затылки, прежде чем выдуман такой экипаж. Русский человек доходил до него постепенно, не торопясь, и всякий раз умудрялся горьким опытом. И, наконец, состряпал такую штуку, что кати на ней хоть к чертям на кулички, – горя мало! (...) Все в этой повозке отличается прочностью и удобством: косогор ли, ухабы – все ей ни почем! Засел в этот «бабушкин чепчик», приделанный к высоким розвальням, натянул на ноги меховое одеяло, и лети хоть за тридевять земель, ни о чем ни горюя.

Что ей сделается, этой повозке? Наскочила на кочку – небось не опрокинется набок потому что по бокам приделаны отводы вроде вторых оглобелей которые берегут ее и слева и справа. Понесется ли она по ухабам, и то не беда, – разве только охнешь от неожиданности, а уж язык не прикусишь и не станешь бодаться с ямщицкой спиной или с своим собственным чемоданом. Чепчик сделан из прочного лубка и околочен циновою; на случай солнца – сверху спускается «зонтик», на случай голода или жажды в кузове имеются два кармана, где хранится все необходимое: закуска, коньяк, табак и тому подобное. Под сиденьем – перина, за спиной – подушки, так что ни сидишь, ни лежишь, а натягиваешь на ноги меховое одеяло да завернешься покрепче в доху поверх полушубка, поднимешь фартук, опустишь зонтик да выпьешь на сон грядущий – так тут не то что тут ухабы или мороз, а никакая метель не страшна!» [3, 39-40].

Глубокое знание местной специфики вело к взвешенным оценкам. Ф.М. Решетников и Д.Н. Мамин-Сибиряк отнюдь не идеализировали дорожных героев своих очерков. Как достаточно заурядное явление воспринимают инсценировку с ограблением персонажи Ф.М. Решетникова в «Очерках обозной жизни» (1867 г.). На вопрос писателя, откуда у хозяйки постоялого двора дешевый чай, следует недвусмысленный ответ возчика: «У кого ей лучше купить как не у нас? У нас тоже бывает так, что мы всей артелью бываем должны хоть той же Анне Герасимовне, рублей по десяти, ну вот и отдаем ей сообща место чаю, и квит,

а потом и объявим, што срезали, а если будут взыскивать, так опять-таки сообща заплатим, и меньше. Одново разу мы так четыре места ухнули. Одново разу у ямщика лошадь пала почти на самом большом переходе. Ну, а сам знаешь, ему горько, да и нам-то неприятно, потому хлопот – сколько: нужно на себя примать с пустой телеги кладь, а мы накладываем на телеги летом восемнадцать и двадцать пудов, а зимой и двадцать два пуда, в оккурат постоянно...

Ну, подрядчик говорит: так нельзя, надо какнибудь довести воз до постоялого да ему купить лошадь. А хорошая лошадь, для обоза годная, стоит восемьдесят и сто рублей; так, говорит подрядчик, надо чаи задеть... Ну, конечно, все с этим согласны, потому свой человек, с маленьких лет с ним ходим – жалко. Приехали к дворнику (содержатель постоялого двора – Е.М.): так и так, говорим, - подрезали, одно место взяли и ямщиков избили... А дворник смеется: «Рассказывайте, говорит, сказки, здешнее место еще бог миловал; это, говорит, не под Ключами или Тамисками!» Ну, мы и говорим, какое дело. «Ладно, говорит, за место чаю я свою лошадь отдам, а штобы вам опаски не было, давайте еще два места: одно за то, что я старшина в волости, а другое становому – он вам бумагу даст и будет следствие производить...» Тут наш подрядчик и говорит: «Ты, дворник и старшина, скажи становому-то, што, мол, у нас четыре места срезали: одно место мы себе возьмем, с дворником в городе нужно рассчитаться...» Ну и получили бумагу от станового, што у нас четыре места подрезали и нас избили ловко» [4, 344].

Что интересного в данном обыденном разговоре? Запечатленное писателем проникновение рыночных механизмов в патриархальную среду. Изменение общественной психологии. Выгодная торговля китайским чаем ранее провоцировала на злоупотребления приказчиков, что неоднократно отмечалось современниками [5, 136-137]. Решетников идет далее, фиксируя диффузию аморальных «рыночных отношений» в сообщество обозных, близких к неиспорченной крестьянской культуре. Напомним, что ранее участники крестьянского извоза славились честностью и неподкупностью [6, 15].

Путешествующий человек, что и зафиксировали писатели, стремился остановиться не там, где было дешево и комфортно, а там, где жили «свои люди». А среди «своих» брать деньги за постой и услуги считалось «грехом». Кроме возможной культурной разобщенности с постояльцами, у хозяев имелись и чисто экономические причины для отсутствия радушия. В рассказе «Ночевка» (1891 г.) Д.Н. Мамин-Сибиряк с большим юмором описал злключения кучера и его хозяина, ищущих ночлег в ночном Челябинске. Даже добравшись до возжеленного постоялого двора они так и не находят желанный отдых. «Я кое-как перебрался на крылечко и вошел в низкую избу, такую грязную, что страшно было сесть на лавку. Старуха сидела у стола и дремала. Оплывшая сальная свечка горела около нее в облепленном разной гадостью железном подсвечнике. Я с тоской оглядел всю избу, напрасно отыскивая уголок, где можно бы было прилечь.

– А я думала, обоз пришел... – ворчала старуха.

– Да ведь ты видела, бабушка, что не обоз, так о чем тут разговаривать. Нельзя ли самоварчик...

– Ну вот, ставь еще самовар вам. ... Ежели бы обоз... беспокоят добрых людей... Обозные-то сколько одного сена возьмут, овса, а то один самовар...

– Не буду же я есть сено для твоего удовольствия!» [7, 236].

Впрочем, дело было отнюдь не в старушечьих причудах. По данным Ф.М. Решетникова, и содержательница постоялого двора в Шайтанском заводе отказывалась принимать путников вне обозов: «Таких я не принимаю; раза уж хорошо знакомого. Расчету нет, – потому раз – такому много ли надо овса на одну лошадь? А другой насорит да съест насколько... Нет, невыгодно» [4, 337]. В рассказе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Крупичатая» (1881 г.) также описан постоянный двор на Крестовской ярмарке вблизи Шадринска: «Обозные ямщики ели, как едят только обозные ямщики: целый котел одних щей съели, пока от самих не пошел пар, как от загнанных лошадей. А там еще каша, да пирог с просом, да пирог с соленой муксуниной, да толочно с суслом. Ели до того, что приходилось распоясываться,

потом отдыхать, запивать квасом и снова есть. Из едоков больше обозной ямщины едят только одни пильщики» [1, 257]. Схожее высказывание о еде есть в уже упомянутой очерке «На большой дороге» [2, 326-327].

Содержание постоялого двора и продажа путникам продовольствия в патриархальной среде оценивались достаточно негативно. Это шло из города и, в идеале, подлежало осуждению. В очерке Ф.М. Решетникова «Тетушка Опарина» (1868 г.) одноименная героиня была решительно против отъезда племянницы в город к матери: «Што она в городе-то выживет? Чему научится? Еще, пожалуй, пельмяницей али калашницей сделается... Да и какие ноне нравы в городе!» Непринятие города «К.», судя по тексту – Камышлова, равно как и продаж пельменей и калачей, достаточно условно. Ирония ситуации заключается в том, что сама Опарина и ее городская сестра активно занимались мелочной торговлей, в том числе и продовольствием [4, 190]. Индустриальное общество наступало, а вместе с ним – пора равенства денег. Они становились определяющими факторами при взаимоотношениях между людьми.

Однако в дороге присутствовало и остаточное стремление к сохранению привычной иерархии, к личному возвышению за счет других. В рассказе Д.Н. Телешова «Между двух берегов» (1903 г.) маленький колесный пароход «Сокол» неторопливо движется вверх по Иртышу, таща за собой баржу. Пассажиры из благородной публики (то есть второго класса, расположенных в отдельных каютах) здесь всего четверо человек. Вряд ли они приносят большую прибыль владельцам парохода. Чем и пользуется пожилой повар Иван Михайлович. Он отнюдь не расположен тратить на путешественников судовые припасы даже за деньги. Для него важнее иное – подчеркнуть собственную значимость. Покупка провизии на берегу у русских крестьян и остяков оказывается для пассажиров парохода чуть ли единственным выходом. Местные жители приносят на пристань, все, что можно продать: рыбу, уток, огурцы, ягоды, яйца, хлеб, ватрушки, даже брагу в берестяных туесах. А матросы тем временем загружают топливо для парохода

– дрова [3, 168-170].

Предприниматели в рассказе Н.Д. Телешова «На тройках» торопятся из Москвы на Ирбитскую ярмарку. Средством престижа для них является быстрота передвижения. Однако жизнь уже внесла свои поправки. От Перми до Камышлова путешественники вынуждены ехать поездом, который на время уравнивает скорость передвижения и комфорт в дороге [3, 89-91]. Персонаж еще одного рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Главный барин» (1893 г.) непутевый мужик Македошка, выманив у железнодорожников деньги, утрачивает чувство реальности: «Сбесился человек... Слова у него пустые, осатанел... Ездит по деревне и орет: «Всех озолочу!» Заметим, что в рассказе «главным барином», точнее его прототипом, был инженер и писатель Н.Е. Гарин (Михайловский), проводивший разведку железнодорожной линии Екатеринбург – Ирбит [7, 18, 364]. «Главный барин» стилистически близок к одному из сюжетов книги очерков «Кама и Урал». В ней В.И. Немирович-Данченко емкими штрихами изобразил железнодорожное строительство, появление множества инженеров и развитие рынка в уральской глубинке. «Я вам так скажу, – резюмировал один из специалистов, – до нас десяток яиц стоил гривенник, а баба – рубль; а теперь при нас яйца стоят рубль, баба гривенник» [8, 178].

Обращал внимание Д.Н. Мамин-Сибиряк и на негативные моменты демократизации перевозок. В его рассказе «Последняя веточка» описана суматоха при посадке в пассажирские вагоны. «Публика совалась с узлами и дорожными принадлежностями из вагона в вагон, отыскивая места получше. Происходили неизбежные в таких случаях недоразумения и пререкания из-за мест, публика ссорилась, ворчала, на скорую руку прощалась с провожавшими родственниками и знакомыми и вообще сильно волновалась. Напротив меня на скамье поместился неизбежный «купец», без которого вы не обойдетесь ни на одной железной дороге или на пароходе. Такой купец непременно занимает три места и отстаивает их всеми правдами и неправдами, пока не наткнется на какого-нибудь зубастого обер-кондуктора.

Купец везде забрал большую силу и рас-

полагается на железных дорогах и на пароходах, как у себя дома, а вся остальная публика служит только некоторым дополнением к нему. Мой купец был достойным представителем своего сословия и держал себя с большим апломбом, обложившись кругом мешками и подушками, точно крепость в осадном положении. Рядом со мной – тоже купец, тоже занял два места и тоже отбивался от осаждающей публики.

- Занято место... нельзя-с!.. Проходите дальше...

- Да у вас целых три места!

- Это женино место, а тут дитю... пожалуйста дальше-с!.. В следующем вагоне даже пустота...

Доверчивые пассажиры тянули к несуществующей пустоте, а купцы переглядывались и хихикали» [7, 279].

Публичная грубость получала распространение одновременно с развитием рынка. О том, какая обстановка царила возле железнодорожных касс, свидетельствует корреспонденция 1913 г. «Требование соблюдать строгую очередь при покупке билетов исходило, как это ни странно, не от станционного жандарма, но от мужиков и баб, четвероклассных пассажиров, делавших грозные окрики по адресу дам и барышень и запрещающих даже другим покупать для них билеты. Положительно какая-то диктатура четвертого класса, не признающая рыцарства», – сокрушался образованный современник [9, 118].

Одной из вершин творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка является роман «Хлеб» (1895 г.), основанный на фактах ожесточенной конкуренции между крупными капиталистами-винокурами в Зауралье [10]. За литературными персонажами романа легко угадываются их подлинные прототипы (Май-Стабровский – А.Ф. Козелло-Поклевский; Михей Зотыч Колобов – Климентий Ушков). Хорошо узнаваем и центр хлебной торговли – уездный Шадринск, выведенный в романе под названием города Заполье [11]. Сюжет романа органично развивается через конкретику человеческих судеб, наложенную на сложные экономические процессы. Так, например, автор романа сумел убедительно показать существенные психологические различия между предпринимателями старой формации и

новыми дельцами, циничными и не обремененными прежними сентиментальными чувствами, даже по отношению к близким людям.

Острые противоречия между стариками и молодым поколением купцов присутствуют и в рассказе «Старики не запомнят» (1900 г.). В захолустном степном городке заканчивается прежняя отлаженная жизнь. Скоро к нему подойдет железная дорога, а вместе с ней придут и новые социальные реалии. Однако у представителей старшего поколения предпринимателей отсутствуют как вера в собственные силы, так и прогностические навыки для анализа непривычных им рыночных условий индустриального общества. Именно этих качеств лишен главный герой рассказа Иван Герасимович, неспособный справиться с удачливым дельцом-сыном. Престарелому отцу и его друзьям остается только одно: критически отслеживать и осуждать грядущие изменения. Конец рассказа трагичен: при попытке озлобленного Ивана Герасимовича отстранить от дел сына, тот объявил отца слабоумным... [7, 226-232]. Рассказ, несомненно, имеет ценность исторического источника. В нем выявлено множество черт зауральской действительности рубежа XIX - XX веков. Так, например, здесь присутствует упоминание о скупке сорок, что отнюдь не является выдумкой автора. Шкурки и перья этих птиц некоторое время действительно поставлялись в Западную Европу для дамских нарядов [12, 349]. Кроме того, в рассказе акцентируется внимание на мотивационных предпочтениях при принятии решений в деловом мире.

В своих произведениях Д.Н. Мамин-Сибиряк через образные средства художественного текста, исследует ориентиры, которыми руководствовались в своих действиях предприниматели, отслеживает трансформацию нравственных ценностей. В частности, он придирчиво исследовал пределы допустимых поступков и внутренние границы дозволенного в рассказах «Зверство», «Наследник», «Штучка», «Крупичатая». Первые два рассказа напрямую связаны с судьбой конкретного человека – хорошо известно, что реальным прототипом литературного Валина был богатый шадринский купец Вагин [13, 54]. В рассказах ставят-

ся принципиальные вопросы о культурной природе жестокости. Где же ее больше – у мужика-зверя или «полированного» горожанина? Если деревенские парни жестоко убивают «гулящую» девку, то образованный сорокалетний Миловзоров после первой брачной ночи доводит до самоубийства доставшуюся ему девушку «с прошлым»...

Последние два рассказа – «Штучка» (1885 г.) и «Крупичатая» (1891 г.), наполнены этнографическими подробностями описания жизни Ирбитской и Крестовской ярмарок. Здесь была широко распространена преступная торговля «живым товаром» для жадных до плотских удовольствий заезжих купцов. И вновь автор занят изучением общественной психологии. Он подводит своих героев к мучительным размышлениям: кто же хуже: деревенские жители, продающие дочерей на ярмарках для утехи купцам, сами купцы, или осуждающие порочную практику, но ничего не предпринимающие благополучные интеллигенты? В то время данные вопросы были максимально злободневны. Они не оставались игрой ума досужих интеллектуалов. Н.Д. Телешов в своем творчестве также затронул тему Ирбитской ярмарки. В рассказе «Сухая беда» (1897 г.) старуха-хозяйка не против того, чтобы её внучка пошла по стопам развратной племянницы и развлекала приезжих купцов [3, 119-120].

Сумбурная атмосфера Ирбитской ярмарки великолепно отображена и в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (1883 г.) [14, 351-373]. Эпизод, где ревнивый Виктор Бахарев выстрелом из зала убивает актрису Катеньку Колпакову, не является чистой выдумкой уральского писателя – он имел аналог в действительности. Следует уточнить, что реальный прототип литературного персонажа актриса А.Я. Романовская, получив тяжелое ранение, все же выжила [15, 200]. Данное различие весьма показательно. Проблема заключается отнюдь не в недостатке правдивой информации, дело в ином. Художественная литература ставит перед своими героями более сложные задачи, чем настоящая обыденная жизнь, и это необходимо учитывать при источниковедческом анализе текста. Заметим, что Д.Н. Мамин-Сибиряк был хоро-

шо осведомлен о ярмарочных реалиях – он имел друзей в Шадринске и родственников в Ирбите. Кроме того, он, во время одного из приездов на ярмарку останавливался именно в гостинице «Биржевой», упомянутой в романе [16, 34].

Разгульные нравы купцов и детали ярмарочной повседневности отнюдь не выдуманы уральским писателем. Один из героев романа Веревкин рассказывает Привалову ярмарочные новости: «Вы не слышали, какую шутку устроил Данилушка с Лепешкиным? Ха-ха... Приходят в одну гостиницу, там аквариум с живыми стерлядями; Данилушка в аквариум купаться... конечно, все раздавил и за все заплатил» [14, 354]. Известно, что живую рыбу (в том числе осетров) крестьяне ухитрялись доставлять на ярмарку с Иртыша и Оби, зарабатывая хорошие деньги. Так осетра ловили осенью и привязывали веревкой за жабры. Зимой, перед поездкой на ярмарку рыбу вытягивали из воды. «Вытянут и парного в тулуп, – сообщал информант, – в рот мокрую тряпку и на воз. Через несколько дней, чтобы не уснул, дед его взбадривал водкой – капал немного на мокрую тряпку. И неделю осётр жил... За подводу, двадцать пять пудов груза, купец платил пятнадцать рублей – дед на пяти лошадях ходил – а за живого осетра – больше всей ездки! Потому как диковинка...» [17, 37].

Присутствуют в романе и другие сюжеты, близкие к исторически достоверным фактам. Ограничимся краткой характеристикой одного из второстепенных персонажей «Приваловских миллионов»: «Данила Семеныч Шелехов был крещеный киргиз, купленный еще дедом Сергея Привалова в одну из жестоких степных голодовок. Обезумевшие от голода родители с большим удовольствием продали шустрого ребенка за мешок муки и пару плохих сапог» [14, 190]. Известно, что прототипом Шелехова был Е.И. Жмаев, имеющий калмыцкие корни [18]. Существование этнического рабства в Сибири вплоть до конца первой четверти XIX в. фиксируется историческими источниками [19]. Однако эта тема, до сих пор мало освещена как в научной, так и в художественной литературе.

Проблема межэтнических контактов, в том числе между русскими и коренными народами Севера также затронута в твор-

честве Д.Н. Мамина-Сибиряка. В рассказе «Старый шайтан» (1903 г.) описана «благородная» публика из уездного городка Заволочье (судя по географическому расположению, его прототипом был город Чердын), расположенного на северо-западном Урале. Провинциальные персонажи, представленные писателем весьма иронично, отправляются в двухдневную, плохо подготовленную экспедицию. Цель – обоснование очередного утопического проекта неужемного председателя Земской управы. Заблудившиеся и перессорившиеся интеллигенты встречаются в лесу престарелого мансийского князя. Его люди давно переселились за Урал, на Лозьву. Он – остался, как последний хранитель родной земли. Князь знает, что произойдет, после его смерти:

– Тогда все вогулы вернутся сюда и прогонят всех русских, – уверенно проговорил он. – О, вогулов много как листьев на дереве!.. Вогулы самый сильный народ... Вот ты строишь для них свою дорогу... И все другие будут работать для вогулов... я уж видел в Усолье, какие для них устроены русскими железные лодки и железная лошадь... Все это для вогулов... Они только ждут, когда им идти... Вернутся и все покойники... они только отдыхают пока... Все покойники придут. Старый шайтан все знает, только молчит... И я буду управлять своим народом, а ты будешь мне кланяться... Все вогулы будут есть каждый день, и все будут счастливы... [20, 351].

Как далека эта реалистичная эпическая фигура от клишированных типажей благородных дикарей или наивных детей природы, размноженных отечественной литературой в невероятных количествах и до сих пор засоряющих наше культурное сознание! Данный образ не мог появиться, «сам по себе», детали выдают впечатления очевидца. Уникальность наблюдения заключается в реконструкции языческой картины мира, с круговоротом реинкарнаций, характерной именно для обско-угорских народов. Писатель художественными средствами передает трагедию манси, вынужденных ради сохранения этнической идентичности, уходить за Урал.

Ф.М. Решетников также не чурался этнографических деталей. В романе «Где лучше?» (1868 г.) один из пьяных золото-

бытчиков на Удойкинских (судя по контексту, это Южный Урал) золотых приисках запекает песню:

Во Шадринском во селенье
Живут люди-староверы
С давних уже лет...

Все подхватили последний стих и продолжали во все горло:

Они пастыря не знают,
Сами требы исправляют (bis),
Во всем Шартоше,
Вот родятся, умирают
И усопших отпевают
Сами без попа (bis) [21, 146].

Повторы (bis), мало уместные в художественном произведении о простонародье, косвенно свидетельствуют об аутентичности текста песни. Видимо, автор включил его в роман именно так, как и записывал. Известно, что город Шадринск и селение Шарташ, расположенное поблизости от Екатеринбурга, славились как центры старообрядчества.

Тема межкультурных, в том числе и межэтнических контактов затронута в повести С. Карцевского «Ямкарка» (1910 г.). Повесть посвящена истории недолгой любви между крестьянской девушкой и проезжим учителем, следующим к месту службы в глухую деревню на р. Конда. Из-за погодных условий, пока не встал лёд на реках, учитель вынужден коротать время в дороге на деревенской земской ямской квартире, где и сблизился с дочерью хозяев. В повести множество достоверных деталей быта: описание крестьянских работ на Севере, половозрастное распределение труда, досуг деревенской молодежи [22]. Подобная осведомленность неудивительна: Сергей Карцевский, уроженец Тобольска, свою просветительскую деятельность начал с работы учителем в с. Нахрачи, расположенном именно на Конде.

Отвлекаясь от возможных автобиографических моментов, присутствующих в повести, заметим, что начинающий писатель смог зафиксировать в своем произведении множество новых реалий. Среди них – снижение социального статуса учителя. Герой

повести достаточно демократичен. Его трудно отнести к «благородной публике». Учитель не против покурить с деревенскими парнями, поехать на лов рыбы с крестьянами или сгребать с ними сено. Рядом со здоровой, но неграмотной деревенской девушкой ему куда интереснее, чем возле «учительницы, старой девицы с огорченным выражением лица». Образованный молодой человек отнюдь не рассматривает свой возможный брак с крестьянкой как мезальянс. Он не против увезти девушку на место службы. Характерно, что Даша, его любимая, отказываясь ехать на Конду, отчасти ревнует учителя к тамошним женщинам-остячкам:

– Там у тебя анки будут красивые... лучше меня [22, 37].

Несмотря на то, что в повести присутствуют элементы пренебрежения со стороны русского старожильского населения к коренным народами Севера, в этой реплике отобразилось и начавшееся психическое сближение между этносами. При первой встрече учителя с кондинскими манси его удивило, то, «что остяки оказались самые обыкновенные люди. На них не было звериных шкур, не было луков в руках» [22, 24]. В ремарке явно отложились рудименты неизжитых культурных стереотипов, характерных для европейской образованности: дикари, конечно же, должны были быть «как на картинке»...

Русские крестьяне в повести охотно используют на рыболовных промыслах одежду и очаги-чувалы, опыт изготовления которых, они позаимствовали у коренного населения. С. Карцевский фиксирует, как в среде русского крестьянского населения происходят еще незавершенные процессы имущественной и культурной дифференциации. В земской квартире поставлена печь-голландка, а Даша прихорашивается перед зеркалом, оклеенным конфетными бумажками. Богатей Шаламов считает нужным пригласить на новоселье все село. Теперь комнаты в его доме обставлены по-городскому, в них даже имеется ручной органчик – «герофон» [22, 45-46].

Писатели исследуют воздействие социального окружения на своих героев, но не абсолютизируют его. Их персонажи вполне

реалистичны. Они порядочны или аморальны преимущественно по своей внутренней сути, безотносительно к их профессиональной деятельности. Весьма характерна нравственная позиция Лекандры (Никандры) Михеича, персонажа повести «Все мы хлеб едим (Из жизни на Урале)» (1882 г.). Сын богатого священника, имеющий возможность получить высшее образование и уже доучившийся до третьего курса, вдруг решает «опроститься», возвращается в деревню и переходит к крестьянскому труду. Обоснование, его следующее: «Плутовство одно — это наше образование самое, и больше ничего. Кричат про кулаков, что они такие-сякие, а я больше уважаю такого кулака, чем какого-нибудь доктора или учителя гимназии. Кулак собственным лбом, по крайней мере, дорогу прошиб, а доктор или учитель доплывет до своего диплома на ту же земскую стипендию. Тьфу!» [1, 129-130].

Эта колоритная личность, явно списанная с реального прототипа, выступает не столько против образования, сколько против подмены настоящей деятельности фантомом показной учености. Он нацелен на конкретные дела, на физический труд и, поначалу, боится жениться на хрупкой юной Тоне, дочери старичка-капитана Гордея Федоровича, местного помещика, разоряющего крестьян. Литературоведческими разысканиями установлено, что писатель исключил из публикации ряд сюжетов. К ним, в частности, относится попытка создания Лекандрой учительского кооператива, пресеченная властями и самодеятельный концерт в доме Гордея Федоровича [23, 852-853, 855-856]. Интересна переключка образов двух героев Д.Н. Мамина-Сибиряка: Лекандры (Никандры) Михеича и Лександра Васильича Аргентского из очерка «На большой дороге». В психологическом отношении оба персонажа практически неотличимы друг от друга. Их многое объединяет: фамильярность в произношении их имен, временная работа в школе и женитьба на учительнице, независимость в суждениях, схожие жизненные ценности, неприхотливость в быту, проживание к югу от Екатеринбурга. Оба они поданы автором как герои дорожных очерков.

Стоит заметить, что в Шадринске про-

живало семейство Аргентовских. Его глава П.В. Аргентовский был ветеринарным врачом. В юности он учился в Казанском университете, участвовал в революционной деятельности. Павел Васильевич был женат на Надежде Федоровне Степовой, дочери местного помещика, служившего некогда исправником [24, 51]. Семейство славилось домашними концертами. Скорее всего, Аргентовский был одним из прототипов выше-названных литературных персонажей. Переключки литературных героев и реальных лиц присутствуют в схожести биографий, фамилий и имен: Тоня и Таисья. Последним именем звали мать Надежды Федоровны и одну из дочерей в семействе Аргентовских [25, 211-216]. Допустимо спорить, насколько адекватно в тексте писатель передал реальные психические черты Аргентовских. Сведения об о них сохранились благодаря краоведам, зафиксировавшим устные предания. Пока еще не осуществлено полноценных архивных разысканий по истории этого семейства.

Стоит ли отказываться в исторических трудах от использования литературных источников, в том числе произведений вышеупомянутых писателей? Полагаем, что ответ должен быть отрицательный. В ином случае мы фактически признаем тщетность исследовательских усилий по множеству направлений. Историческая психология, история общественного сознания, история повседневности и, наконец, история предпринимательства требуют от нас изучения социального окружения субъектов истории, знания общественных настроений ушедшей эпохи, ее неповторимого аромата, этнографических деталей. Наше прошлое отнюдь не ограничено «голой» статистикой, оно много шире и богаче официальной бюрократической отчетности. В частности, недостаточны наши знания о провинциальной культуре, об особенностях межэтнических контактов. На сегодняшний день в исторических исследованиях всё еще господствуют иллюстративные описания, без детального учета и последующего анализа религиозной, региональной, возрастной и личной конкретики.

Тексты данных писателей, если ими правильно воспользоваться, дают нам возможность сократить число лакун в сфере

локальной истории. Их творчество основывалось на знании деталей российской провинциальной жизни. Эти авторы оставили великолепные описания Урала и прилегающих к нему территорий. Жанровая принадлежность данных текстов – путевые очерки или их элементы, включенные в состав основного повествования. Противостояние между традиционным укладом и жесткими законами рынка красной нитью проходит через многие их произведения. В их творчестве достаточно негативно, причем с опорой на действительные события, оценивается вторжение рыночных отношений в патриархальную среду. Для историков важным обстоятельством оказывается присутствие достоверных невыдуманных материалов. Не случайно, что современники считали Ф.М. Решетникова и Д.Н. Мамина-Сибиряка бытописателями.

Произведения этих писателей отличаются социальной направленностью. Преимущественное внимание в них акцентировано на внешних условиях существования. В меньшей мере раскрыты глубинные психические переживания отдельного человека или больших масс людей. К этим вопросам в приоритетном порядке обратятся отечественные писатели уже следующей волны. Та ценная информация, которой располагали писатели, в ряде случаев использовалась ими параллельно или повторно. Допустимо сделать следующий вывод: дублирование одних и тех же сюжетов в литературных текстах – косвенное свидетельство их типичности и заимствования из жизни. Это дает возможность осуществления дополнительной критики данных текстов именно как исторических источников.

Литература

1. Мамин-Сибиряк Д.Н. Рассказы. Легенды. Из далекого прошлого. Воспоминания. М., 1987. 464 с.
2. Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо. Роман. Встречи. Очерки и рассказы. Свердловск, 1981. 432 с.
3. Телешов Н.Д. Рассказы. Повести. Легенды. М., 1983. 336 с.
4. Решетников Ф.М. Добрые люди: Очерки и рассказы. Свердловск, 1986. 400 с.
5. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень, 1997. 368 с.
6. Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. Кн.1. 1866. Отд. IV. Смесь. С. 1 – 41.
7. Мамин-Сибиряк Д.Н. Сибирские рассказы. Т. 1. Свердловск, 1991. 368 с.
8. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал: Очерки и впечатления. Б/м., 1904. 445 с.
9. 10. Виноградов С. От Перми до Шадринска. Путевые наброски. // Шадринская старина. 1994. Краеведческий альманах. Шадринск, 1994. С. 118 – 123.
10. Мамин-Сибиряк Д.Н. Хлеб: Роман. Свердловск, 1984. 432 с.
11. Бирюков В.П. Лица и события в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» // Уральский современник (Свердловск). – 1944. – № 8. – С. 87 – 90.
12. Яковлев В.Я. (Богучарский) Очерки промысловой охоты в северных округах Тобольской губернии // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург. 1998. – С. 333 – 357.
13. Бирюков В.П. Записки уральского краеведа. Челябинск, 1964. 144 с.
14. Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. Роман. Свердловск, 1980. 448 с.
15. Матафонова Ю.К. Легенды и были ирбитской сцены // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 196 – 210.
16. Смирных А.И. Под знаком Меркурия или на орбитах Ирбита // Уездные столицы: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2002. С. 6 – 78.
17. Антропов И.Я. Были Ирбита. Ирбит, 1992. 178 с.
18. Митрофанова Л.Д.Н. Мамин-Сибиряк в контексте литературной, общественной и культурной жизни Урала 1880-х гг. // Урал. – 2007. – № 11. – С. 179 – 190.
19. Ершов М.Ф. Этнические маргиналы городов Зауралья конца XVIII – начала XX вв. // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность: сб. научн. ст. Ханты-Мансийск, 2005. С. 3 – 23.
20. Мамин-Сибиряк Д.Н. Рассказы и очерки. Свердловск, 1980. 448 с.
21. Решетников Ф.М. Где лучше? Роман. Свердловск, 1987. 416 с.
22. Карцевский С. Ямкарка [б. м., б. г., отпечатано в ООО «Кондинская типография»]. 66 с.
23. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Художественные произведения 1875 – 1882 гг. Ека-

теринбург, 2002. 912 с.

24. Иовлева В.Н. Шадринские улицы / Изд. 2-е, испр. и доп. Шадринск, 2002. 168 с.
25. Иовлева В.Н. Шадринск и его обитатели. Статьи разных лет. Шадринск, 2006. 268 с.

References

1. Mamin-Sibiryak D.N. Rasskazy. Legendy. Iz dalekogo proshlogo. Vospominaniya. M., 1987. 464 s.
2. Mamin-Sibiryak D.N. Gornoe gnezdo. Roman. Vstrechi. Ocherki i rasskazy. Sverdlovsk, 1981. 432 s.
3. Teleshov N.D. Rasskazy. Povesti. Legendy. M., 1983. 336 s.
4. Reshetnikov F.M. Dobrye lyudi: Ocherki i rasskazy. Sverdlovsk, 1986. 400 s.
5. Chukmaldin N.M. Moi vospominaniya: Izbrannye proizvedeniya. Tyumen', 1997. 368 s.
6. Uspenskiy T. Ocherk yugo-zapadnoy poloviny Shadrinskogo uezda // Permskiy sbornik. Kn.1. 1866. Otd. IV. Smes'. S. 1 – 41.
7. Mamin-Sibiryak D.N. Sibirskie rasskazy. T. 1. Sverdlovsk, 1991. 368 s.
8. Nemirovich-Danchenko V.I. Kama i Ural: Ocherki i vpechatleniya. B/m., 1904. 445 s.
9. 10. Vinogradov S. Ot Permi do Shadrinska. Putevye nabroski. // Shadrinskaya starina. 1994. Kraevedcheskiy al'manakh. Shadrinsk, 1994. S. 118 – 123.
10. Mamin-Sibiryak D.N. Khleb: Roman. Sverdlovsk, 1984. 432 s.
11. Biryukov V.P. Litsa i sobytiya v romane D.N. Mamina-Sibiryaka «Khleb» // Ural'skiy sovremennik (Sverdlovsk). – 1944. – № 8. – S. 87 – 90.
12. Yakovlev V.Ya. (Bogucharskiy) Ocherki promyslovoy okhoty v severnykh okrugakh Tobol'skoy gubernii // Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX veka. Ekaterinburg. 1998. – S. 333 – 357.
13. Biryukov V.P. Zapiski ural'skogo kraevedy. Chelyabinsk, 1964. 144 s.
14. Mamin-Sibiryak D.N. Privalovskie milliony. Roman. Sverdlovsk, 1980. 448 s.
15. Matafonova Yu.K. Legendy i byli irbitskoy stseny // Irbitskiy kray v istorii Rossii. Ekaterinburg, 2000. S. 196 – 210.
16. Smirnykh A.I. Pod znakom Merkuriya ili na orbitakh Irbita // Uezdnye stolitsy: Kul'turno-istoricheskie ocherki. Ekaterinburg, 2002. S. 6 – 78.
17. Antropov I.Ya. Byli Irbita. Irbit, 1992. 178 s.
18. Mitrofanova L.D.N. Mamin-Sibiryak v kontekste literaturnoy, obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni Urala 1880-kh gg. // Ural. – 2007. – № 11. – S. 179 – 190.
19. Ershov M.F. Etnicheskie marginaly gorodov Zaural'ya kontsa XVIII – nachala KhKh vv. // Sotsiokul'turnoe prostranstvo sibirskogo goroda: istoriya i sovremennost': sb. nauchn. st. Khanty-Mansiysk, 2005. S. 3 – 23.
20. Mamin-Sibiryak D.N. Rasskazy i ocherki. Sverdlovsk, 1980. 448 s.
21. Reshetnikov F.M. Gde luchshe? Roman. Sverdlovsk, 1987. 416 s.
22. Kartsevskiy S. Yamkarka [b. m., b. g., otpechatano v OOO «Kondinskaya tipografiya»]. 66 s.
23. Mamin-Sibiryak D.N. Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 1. Khudozhestvennye proizvedeniya 1875 – 1882 gg. Ekaterinburg, 2002. 912 s.
24. Iovleva V.N. Shadrinskie ulitsy / Izd. 2-е, ispr. i dop. Shadrinsk, 2002. 168 s.
25. Iovleva V.N. Shadrinsk i ego obitateli. Stat'i raznykh let. Shadrinsk, 2006. 268 s.